

Зои и Эдвард были невероятно счастливы: семья стала для них целой Вселенной. Но из-за несчастного случая с маленьким сынишкой все изменилось: как два полюса, они больше не могут находиться рядом. После того как Эдвард сказал, что в смерти сына виновата Зои, она закрылась и укуталась в собственное горе, не находя никакого утешения в жизни. Сколько муж не пытался ее успокоить, все напрасно. Неожиданно им представился шанс возобновить отношения: супруги проведут выходные в Париже. Удастся ли им все уладить? Смогут ли они простить и принять друг друга? Получится ли стать такими, какими они были раньше?..

Люди говорят, что потеря ребенка — худшее, что может пережить родитель, но это не так. Хуже всего знать, что твой ребенок умер по твоей вине.

Секунда. Даже меньше секунды. Вот сколько потребовалось, чтобы Майло выскользнул из моих пальцев, а затем исчез. Навсегда.

Конечно, никто не говорил, что я виновата. Никто, кроме моего мужа, когда мы стояли лицом к лицу над неподвижным телом сына. Намного проще было думать, что Майло неподвижен, а не мертв. Даже сейчас я не могу смириться с этим словом...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4105-3

9 786171 241053

ЛИЯ МЕРСЕР

Тем ты был раньше

ЛИЯ МЕРСЕР

Тем ты был раньше

LEAH MERCER

*Who
we were
before*

A Novel

LAKE UNION
Publishing

ЛИЯ МЕРСЕР

*Кем
мы были
раньше*

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2017 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
М52

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется с разрешения Madeleine Milburn Literary,
TV & Film Agency and The Van Lear Agency LLC

Переведено по изданию:
Mercer L. Who we were before : A Novel / Leah Mercer. —
Seattle : Lake Union Publishing, 2016. — 266 p.

Перевод с английского *Анастасии Майстренко*

Дизайнер обложки

CreaLab

Creative Laboratory

ISBN 978-617-12-4105-3
ISBN 978-1-5039-3815-1 (англ.)

- © Leah Mercer, 2016
- © DepositPhotos / Boykovi, обложка, 2017
- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

Моему отцу

ГЛАВА 1

Зои, суббота, 12:00

Люди говорят, что потеря ребенка — худшее, что может пережить родитель, но это не так. Хуже всего знать, что твой ребенок умер по твоей вине.

Секунда. Даже меньше секунды. Вот сколько потребовалось, чтобы Майло выскользнул из моих пальцев, а затем исчез. Навсегда.

Конечно, никто не говорил, что я виновата. Никто, кроме моего мужа, когда мы стояли лицом к лицу над неподвижным телом сына. Намного проще было думать, что Майло неподвижен, а не мертв. Даже сейчас я не могу смириться с этим словом.

Почему ты не следила за ним? Почему ты не остановила его? Как ты могла это допустить? Три вопроса, которые вколачивались в мой мозг с каждым ударом сердца, стоило лишь взглянуть в лицо Эдварда, которое я никогда не забуду. Назвать его чувства ненавистью — все равно что назвать кипящую воду прохладной. В тот момент он мог убить меня, если бы это вернуло ему сына. Я стала врагом, отнявшим то, что он любил больше всего на свете.

Но для осознания своей вины мне не нужен Эдвард. Он прав. Я должна была держать крепче, бежать быстрее,

ринуться за ним. За два года, прошедших со дня смерти Майло, множество людей пожимали мне руку, касались моих пальцев, говорили, что я ничего не могла сделать. Но я могла. Могла.

Я отворачиваюсь от окна поезда и смотрю на мужа, пытаюсь почувствовать хотя бы что-то, *что угодно*, вглядываясь в знакомые черты. Длинные черные ресницы Майло унаследовал от него, — акушерки посмеивались, что такие ресницы зря достаются мальчишкам, — вместе с орлиным носом и ямочкой на подбородке. Эдвард без конца извинялся за свои слова, говорил, что он имел в виду другое. Что это был просто шок. Конечно, он знает, что это не моя вина. То же могло случиться и с ним.

Но не случилось. Это случилось *со мной*, и с тех пор между нами стоит бетонная стена, увенчанная зубчатыми осколками стекла. Сколько бы он ни пытался меня обнять, утешить, просто поговорить, все напрасно: я разбита. Я больше не могу.

Два дня мы проведем в Париже, а затем вернемся домой — в спокойную деревушку, в тихий дом с четырьмя спальнями, который мы оба теперь ненавидим, где мы оба проводим все меньше времени... Он вряд ли знает, чем я занимаюсь целыми днями. Мы не отправились бы в это путешествие, если бы мои родители не принялись энергично убеждать нас, что нам стоит устроить себе романтические каникулы. Если бы они знали, когда мы в последний раз занимались сексом (я это помню смутно), они бы поняли, как нелепо в данном случае звучит выражение «романтические каникулы».

Динамик оживает и объявляет, что мы прибываем на Гар-дю-Нор¹. Эдвард отрывается от игры в телефоне и поднимает голову:

— Почти приехали.

Господи, он воодушевлен не больше меня. Я киваю, переводя взгляд на пару, стоящую в проходе. Они выглядят лет на двадцать — достаточно молоды, чтобы верить, будто с ними не может произойти ничего плохого. Интересно, что они думают об Эдварде и обо мне? Мы не касались друг друга в течение всей поездки и почти не разговаривали. Бьюсь об заклад, эти двое уверены, что никогда не станут такими же: охладевшими супругами, которым все равно, где находиться, только бы подалее друг от друга. «Как это печально! — говорят они. — Как можно до такого докатиться?» Я мысленно отвечаю: «Потеряйте сына. И в вашей жизни появится огромная зияющая дыра, и каждое утро, стоит только глаза открыть, ваши внутренности будут скручиваться от боли, и лишь благодаря ей вы будете дышать. Вот и получится у вас так же, как у нас».

Тормоза скрипят, когда мы подъезжаем к станции, и Эдвард поднимается, чтобы достать багаж. Я едва могу вспомнить, что бросила в чемодан. В любом случае не важно, что я надену. Эдвард редко смотрит на меня — я имею в виду, по-настоящему разглядывает. Утром я могла бы показаться на кухне в клоунском костюме, и он продолжал бы хрустеть, как обычно, сожженными

¹ Гар-дю-Нор — один из семи парижских вокзалов. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

тостами, потом быстро поцеловал бы меня в щеку и выскочил бы из дома, чтобы успеть к пригородному поезду в 7:07. От этого поцелуя мне делается только хуже: губы у него сухие, взгляд уже устремлен на дверь, а сердцем он давно не в нашем доме. И так на протяжении двух лет.

— Зои? Идем.

В голосе Эдварда звучит нетерпение, и я рывком подаюсь к нему, моргнув, отбрасывая мысли подальше. Я слишком часто замыкаюсь в себе. Мне нравится отгораживаться от внешнего мира. Тем не менее это злит Эдварда, я вижу.

Я следую за мужем по платформе, динамики приглушенно объявляют на французском языке прибытие поездов. Воздух туманный, холодный и липкий; я обхватываю себя руками, чтобы согреться. Эдвард поворачивается, желая удостовериться, что я не отстаю, затем отворачивается снова, шагая вместе с нашим багажом, громыхая им по стыкам плит. Было время, когда он предлагал мне свою куртку или обнимал меня, мягко потирая ладонями руки, чтобы согреть мои холодные пальцы. Теперь он даже не хочет идти рядом со мной. Он добирается до главного зала и останавливается, выхватывая телефон из кармана, ожидая, пока я его догоню. Этот чертов телефон! Дело не в потраченном времени, а в том, что у него с мобильным отношения лучше, чем со мной.

— Нужно найти банкомат и снять немного денег, — говорит он, глядя в сторону. — Может быть, осмотришься здесь, а я позвоню тебе, когда закончу?

— Тогда, наверное, оставь багаж... — говорю я, но он уже уходит, пробираясь сквозь толпу в поисках банкомата.

Мне интересно, почему ему так важно уйти к банкомату в одиночестве, но я не жалуюсь. Как только Эдвард исчезает, спадает и напряжение, давящее на грудь всегда, когда мы вместе. Я ощущаю, что снова могу дышать. Он, вероятно, испытывает то же самое — или нет? Я устала разгадывать его.

Я бесцельно брожу по станции, сворачивая то в одну, то в другую сторону. Железнодорожный вокзал Гар-дю-Нор выглядит весьма мрачно. Он даже не пытается походить на уютный торговый центр — как, например, вокзал Сент-Панкрас¹, с самым длинным в мире баром и множеством магазинов.

Я смотрю на часы и поднимаю брови, обнаружив, что Эдварда нет уже двадцать минут. За это время конвейер,двигающийся мимо меня, совсем опустел, а Эдвард все еще меня не догнал. Что заставило его так задержаться? Честно сказать, я удивлена, что он так долго снимает деньги. Ведь он как бойскаут: всегда готов. Даже к поездке в супермаркет, куда я собиралась полчаса, составляя бесконечные списки, он готовился пару минут. Забавно, я не могу вспомнить, когда в последний раз была в супермаркете. В этом просто нет необходимости. Эдвард никогда не приходит ужинать, и хорошо, если я по дороге домой перехватываю бутерброд в магазине на углу.

Двадцать пять минут. Может быть, позвонить ему? Моя рука машинально скользит в сумку, похлопывая по кармашкам в поисках мобильного телефона. Куда, черт возьми, он запропастился? Это не сумка, это черная

¹ Сент-Панкрас — один из тринадцати вокзалов Лондона.

дыра. Вздыхнув, я снимаю ее с плеча и приседаю на грязном полу станции, перебираю старые квитанции и всякие мелочи, пытаюсь наконец нащупать серебряный чехол. Волнение нарастает, я вытряхиваю все содержимое, затем просматриваю его, не веря своим глазам. Телефона там нет. Да еще и... Внутри все холодеет. Моего коричневого кожаного кошелька тоже нет.

Дерьмо!

Я сгребаю вещи и бросаю их в сумку, поднимаясь на подкашивающихся ногах. Неужели я забыла их дома? Качаю головой: я отлично помню, как положила оба предмета в свою сумочку. Я их взяла, это абсолютно точно. Так где же они? Я поворачиваюсь влево и вправо, как будто надеюсь найти ответ где-то рядом, потом опускаюсь на колени и осматриваю пол — вдруг я уронила их.

Ничего.

Я снова медленно встаю, испытывая головокружение. Видимо, пока я бродила по вокзалу, меня обчистили. Какое прекрасное начало для наших романтических каникул! Без кредиток нам придется все время сидеть в гостиничном номере. Я начинаю бояться этого молчания между нами, когда мы рядом.

Глаза расширяются, как только мне в голову приходит мысль: раз у меня теперь нет мобильного, чтобы созвониться с Эдвардом, мне нужно поторопиться, чтобы застать его у терминала. Я направляюсь туда, куда он ушел полчаса назад, ноги заплетаются, пока я лавирую между чемоданами и туристами. Наконец после недолгого марафона я добегаю до банкомата. Возле него длинная очередь, но Эдварда здесь нет.

Я прислоняюсь к стене, вытирая вспотевшую верхнюю губу, легкие горят. «Ладно, просто *подумай*». Если его здесь нет и он не смог связаться со мной по мобильному телефону, он, должно быть, вернулся туда, где оставил меня. Я бы поступила именно так, хотя сейчас мы настолько разные, насколько это вообще возможно. Разница между нами — это теперь целая пропасть, которую мы никогда не сможем преодолеть.

Вернувшись в зал, я вижу, что моего мужа там нет. Я отчаянно всматриваюсь в движущуюся толпу, надеясь заметить его. Лица людей проплывают передо мной и через пару мгновений размываются до нечетких очертаний.

Я соскальзываю вниз по стене на шероховатый пол. Эдварда здесь нет. Я не могу его найти. Что, черт возьми, теперь делать? У него наш багаж, не говоря уже о папке со всеми билетами и документами — я никогда в жизни не смогу воспроизвести название нашего отеля. В любом случае, даже если бы я обратила на него внимание, вряд ли запомнила бы его. Я не сильна во французском.

И вот я здесь. Одна, в незнакомом месте, без единой мысли о том, куда идти дальше.

Что не очень-то отличается от моей жизни дома.

ГЛАВА 2

Эдвард, суббота, 12:15

Пока я удаляюсь от нее, сливаясь с толпой, мои челюсти постепенно расслабляются. Мне не нужны деньги — в кармане лежит толстая пачка наличных, которые я снял вчера после работы. Я просто хочу отойти на несколько минут, чтобы позвонить Фионе, услышать дружеский голос, прежде чем провести следующие два дня с женой, которая почти не замечает моего присутствия.

Судя по всему, она желает находиться здесь не больше, чем я. То, как она поджала губы, когда открыла подарок своих родителей, выдало ее чувства: смирение и покорность. Для нее это новое выражение, но за последние пару лет оно мне осточертело. Хочется закричать: «Давай же, скажи что-нибудь! Просто скажи мне, как сильно ты ненавидишь меня, как сильно ты ненавидишь все это, какая ужасная у тебя жизнь. *Что-нибудь*. То, что так или иначе нарушит эту жуткую тишину между нами». Но она молчит.

Необязательно было даже искать причину, чтобы сбежать от нее сейчас. Сегодня, как и в любой другой день, у Зои пустое выражение лица: «Меня здесь нет». Я мог бы устроить себе секс по телефону в поезде — она бы не заметила. Чувствую, как в паху напряглось от этой

мысли. Секс по телефону — это уже больше, чем я имею на данный момент.

Я трясую головой и иду быстрее, пытаюсь сбежать от мыслей, роящихся в моем мозгу. Я скучаю по ней. Я скучаю по тому, как она дурачилась, изображая осленка, и это заставляло меня смеяться; как ее глаза щурились от широкой улыбки; как она сворачивалась клубком, упершись холодными пятками мне в бедра.

Оказывается, я потерял не только сына, я потерял и жену.

Было ясно, что нам потребуется время, чтобы отойти от смерти Майло, что последует трудный период. В конце концов, разве все не твердят друг другу, что *время* — *лучший лекарь*? Трудно сосчитать, сколько людей сказали нам эту фразу в первые недели после трагедии, а я по глупости им верил. Теперь я хочу рассмеяться им в лицо. Время? Время ничего не делает, оно только усиливает молчание между нами, останавливает мгновения на самых страшных секундах. Когда дело доходит до смерти, ничто не может укротить лавину горя, потери... *гнева*. Эта лавина похоронит вас заживо, если вы ей поддадитесь.

Хотел бы я забрать назад первые слова, которые сказал Зои там, в морге. Хотел бы обнять ее и прижаться к ней. Но я... не сумел. Я был так ошарашен, так жаждал, чтобы убитым мальчиком оказался кто-то другой, а не наш сын. Если бы я только мог понять, как вернуть все на круги своя, как изменить ход событий, я бы сделал это.

Я пытался объяснить это жене, но Зои закрылась, захлопнулась, как коробка. Закрылась от меня, от всего, что было связано с Майло, от своей жизни. Я отвечал за

погребальные приготовления, я выбирал надгробный камень и надпись, я наводил порядок в его комнате, уверенный, что она просто выбросит его вещи, хотя я мог ошибаться. У меня сжимаются челюсти. Она считает, что это так просто: попрощаться с жизнью, которая пролетела, как одно короткое мгновение, едва начавшись? С каждым рывком упаковочной бумаги я чувствовал, как меня пронзает боль. Дыхание перехватывает, когда я вспоминаю маленький сосновый гроб, Майло, одетого в его любимый костюм Человека-Паука, руки, лежащие на его любимом голубом одеяльце...

Я провожу пальцами по лицу, прислонившись к стене рядом с банкоматом. Почти два года, господи! И иногда я все еще вхожу в его комнату, желая, чтобы он посмотрел на меня с лукавой улыбкой. В этом месяце ему исполнилось бы четыре года. Черт побери, я вижу, как он съезжает вниз по перилам и прыгает на диване. Стоит только глаза закрыть — тут же слышу его смех.

Боже мой!

Вот почему я не бываю дома. Я больше не могу выносить эту пустоту. Не только в доме, но и в сердце жены. Я знаю, что она винит себя. Я бы тоже винил себя, если бы был на ее месте. Но нет смысла катиться вниз, разве нет? Это не изменит ситуацию — лучше не станет. Два года прошло, и нам нужно начинать жить опять. Мне нужно начинать жить, а если она этого не хочет, что ж...

«Держи себя в руках», — думаю я, ловя на себе любопытные взгляды людей из очереди. Нашупываю в кармане мобильный. Мне просто необходимо поговорить с Фионой. Всякий раз, когда я чувствую себя так, будто

на меня падает лавина, она успокаивает меня. Хотел бы я сказать то же о Зои, но не могу. Никто не посмеет утверждать, что я не пытался наладить с ней связь. И, если честно, каждая попытка заставляла почувствовать себя еще хуже. Это все равно что биться головой о кирпичную стену снова и снова, ощущая резкую боль при каждом ударе.

— Привет, милый. — Теплый тон Фионы вливается в сегодняшний день, и сразу же становится легче. — Все в порядке? Как тебе Париж?

— Пока не понял. Все еще на вокзале. Просто хотел позвонить тебе и поблагодарить за прошлый вечер.

Мы с Фионой работаем в компании программного обеспечения за пределами Лондона, я — инженер, Фиона — маркетолог. Я проработал там много лет; после рождения Майло я стал гораздо реже задерживаться в офисе, но в последнее время заседаю там с семи утра до девяти вечера. Можно с головой зарыться в работу — в этом вроде бы смысла больше, чем в пустом существовании вне ее.

Мы с Фионой всегда были друзьями, но после случая с Майло мы стали... Не могу сказать, кем именно. Она знает о смерти моего сына — организовала на похороны огромный букет цветов от коллег, приносила соболезнования, но не смотрела с жалостью, только крепко обнимала, спрашивая, как я поступлю... Или как поступим *мы с Зои*. С ней я — тот же Эдвард, которым был всегда, умеющий смеяться и шутить без неловкости. Она напоминает мне о том, какой была Зои на самом деле: веселой, полной энергии, всегда готовой на любую

авантюру. Мы с Фионой даже не целовались ни разу, едва касались друг друга. Но чем больше времени мы проводили вместе, тем больше я этого хотел.

— Мне очень приятно.

Голос Фионы звучит сонно, и через мгновение в моем мозгу вспыхивает картина: она лежит среди смятого постельного белья, выставив длинную белоснежную ногу. Я снова чувствую напряжение в паху при мысли о том, что я нахожусь рядом с ней, и я выбрасываю эту картину из головы, не то люди в очереди вновь начнут обращать на меня внимание. Мне сорок один год, и я стал каким-то сексуальным маньяком.

Мы недолго болтаем о ее планах на выходные, о предстоящей рабочей неделе и о тысяче других мелочей, которые заставляют меня перевести дыхание, почувствовать, что я снова контролирую свои мысли. Наконец я бросаю взгляд на часы и понимаю, что мы разговариваем почти двадцать минут.

— Мне лучше вернуться к Зои.

Хотя вряд ли та переживает из-за моего отсутствия. Держу пари, она стоит на том месте, где я ее оставил, и смотрит прямо перед собой. Прощаюсь с Фионой и снова чувствую, как ко мне возвращается напряжение. Я набираю номер Зои — нужно понять, где она, — рассеянно слушаю, как телефон переключается на голосовую почту. С раздражением выдыхаю: она что, снова забыла включить этот чертов аппарат? Моя жена никогда не отвечает вовремя на телефонные звонки. До того, как у нас появился Майло, она вообще забывала, что у нее есть телефон, тем самым уничтожая весь смысл

слова «мобильный». В последнее время мне очень везло, если она отвечала процентов на десять моих звонков. Не то чтобы я часто звонил...

Набираю ее еще раз, но снова слышу голосовую почту. Нетерпение постепенно перерастает в жгучее раздражение, которое, подобно изжоге, распространяется в груди и сдавливает горло.

Я продираюсь сквозь толпу к тому месту, где мы расстались, но Зои там нет. Звоню опять — ответа нет. Господи! Она ведь знала, что я позвоню. Неужели так сложно проверить, включен ли телефон? Я обхожу станцию вдоль и поперек, вытягиваю шею, пытаюсь разглядеть ее соломенные волосы с легкой проседью (я даже не замечал, что у нее есть седые волосы, пока она не начала погибать вслед за Майло. Если честно, я даже не знал, что она красится). Торопливо заглядываю в магазины и кафе, возвращаюсь обратно, чтобы она увидела меня, если вдруг вздумает вернуться, звоню ей еще раз десять... и ничего.

Я тороплюсь к выходу и шагаю вдоль очередей на такси, на случай, если она решила взять нам машину, но ее и здесь нет. Смотрю на часы. Прошел почти час с тех пор, как я отправился за деньгами, и если бы она все еще была здесь, мы бы встретились, не так ли? Здесь многолюдно, но станция не такая огромная, как Сент-Панкрас, и тут особенно негде спрятаться. Я поднимаюсь и спускаюсь на площадку еще дюжину раз, чувствуя острую досаду, растущую с каждым шагом. Может быть, она уехала в отель? Могла бы и позвонить, раз не захотела меня дожидаться.

Я нервничал бы сильнее, но Зои и раньше вот так исчезала. Однажды, вскоре после смерти Майло, я пораньше ушел с работы и отправился домой, чтобы вытащить ее в ресторан, но дома ее не оказалось. Я звонил ей несколько часов подряд, пока не стало совсем темно, и я уже извелся от беспокойства, потому что ее мобильный так и не отозвался. Когда парадная дверь наконец открылась, она просто сказала, что была с Кейт и не слышала сигналов телефона. А теперь ей пора спать.

Однажды ночью, через несколько месяцев после трагедии, она вообще не пришла домой. Я не спал, звонил своим друзьям, ее родителям, даже в полицию, чувствуя себя идиотом: парень, который потерял свою жену. На следующее утро, около десяти, Зои прокралась через заднюю дверь, ее лицо было бледным и застывшим. Как обычно, проигнорировав все мои вопросы и меня в целом, она улеглась на кровать и накрылась одеялом. Я до сих пор не знаю, где она была.

В любом случае мы больше не близки. Последние два года я провел, постоянно беспокоясь о ней, пора бы с этим завязывать. Я снова звоню и на этот раз оставляю сообщение на автоответчике, что еду в отель и надеюсь увидеть ее уже там. Даже не пытаюсь скрыть разочарование в голосе.

— Отель «Ле Мар», — говорю я таксисту, игнорируя его ухмылку, вызванную моим произношением. Откидываюсь на сиденье, закрываю глаза, когда такси трогается, и начинаю отсчитывать часы до окончания этих выходных.

ГЛАВА 3

Зои, суббота, 13:00

Я должна волноваться. Одна, в чужом городе, без денег, без мобильного телефона, не знаю, куда идти... Но когда я выхожу из дверей Гар-дю-Нор и смотрю на проезжающие мимо машины, я не пугаюсь. Наоборот — чувствую себя свободной, как будто разорвала связь с прежней жизнью. Здесь можно быть безликой — пустой. Просто скелет, кожа и кости, никаких эмоций.

Думаю, это как раз то, чего я пытаюсь достичь дома. Каждое утро я лежу в постели, притворяясь, что сплю, пока Эдвард расхаживает по дому и запах его утреннего эспрессо наполняет воздух. Мои глаза все еще открываются ровно в шесть, именно в тот момент, когда Майло просыпался и приходил в нашу спальню, топая ножками в носочках. Словно мои биологические часы навсегда замерли на отметке «мама», хотя я больше не являюсь ею.

Сердце наполняется знакомой скорбью, я глубоко вздыхаю, а глаза высматривают кафе на улице. Чувствую желание выпить — бокал вина или даже три. Я отнюдь не алкоголик, но сейчас мне необходимо куда больше алкоголя, чем рекомендуется выпивать ежедневно. Чтобы хоть чуть-чуть размыть этот мир, чтобы боль ушла.

Я знаю, что пить не очень хорошо и это не для меня, но я и не хочу быть собой. Терпеть не могу наш дом, терпеть не могу деревню с ее мокрыми мощеными улицами и переулками, на которых, кажется, живут одни только матери с младенцами; не могу выдержать того, как люди прячут от меня глаза, будто бы мое горе заразно. А больше всего ненавижу тех, кого это привлекает, — людей, упивающихся горем.

Поэтому каждый день, как только дверь захлопывается, я смотрю из окна, как Эдвард исчезает в переулке. Затем забегаю в душ и отправляюсь обратно в спальню, где облачаюсь в свою «униформу» — джинсы и футболки, не обращая внимания на все те пестрые вещи, которые засунула вглубь шкафа. Сирень, неоновая зелень, клубнично-красный... Теперь на них больно смотреть, как на солнце. Я не прикасаюсь к своим любимым духам, не в силах вынести вспышку воспоминаний, крепко связанных с этим запахом. Обуваю старые кроссовки, набрасываю легкое весеннее пальто и ухожу. Я не смотрю в зеркало, ведь это все равно что смотреть в стекло фонаря: там мое лицо, но какое-то изменившееся, как на портрете Пикассо, с искаженными чертами и заострившимся носом.

Я спешу мимо закрытой двери пустой комнаты Майло, из-под которой пробивается утреннее солнце, создавая золотой блеск в коридоре, и мимо остатков завтрака Эдварда. Давным-давно мое придирчивое отношение к чистоте существенно влияло на нашу утреннюю рутину. Он возводил глаза к потолку, но всегда убирал свою тарелку и чашку со стола, затем аккуратно складывал их

в посудомоечную машину и при этом говорил, что не хочет нарушить «первозданную офисную обстановку». Это была шутка, поскольку кухонный стол всегда был завален счетами-фактурами, проектными сметами и макетами. Когда мне надоело работать с девяти до пяти, я стала веб-дизайнером на вольных хлебах, как раз перед тем, как родился Майло, и можно было с уверенностью сказать, что я не самая дисциплинированная бизнес-леди в мире. Дело не в умении организовать себя. Я не могу сосредоточиться на мелочах: заметить различия между оттенками пурпурного цвета или найти правильные фото для сайта агентства недвижимости. Мои клиенты были заняты в самых разных сферах деятельности, и это мне нравилось.

Забавно, но до того, как появился Майло, я волновалась о том, как сохранить свой бизнес, ухаживая за новорожденным. Это оказалось не так уж трудно, или, может быть, я просто перестала переживать из-за работы. Веб-дизайн никогда не был моим творческим призванием. И когда вы смотрите на личико крошечного спящего существа, столь нового для мира, просто удивительно, как быстро исчезает все вокруг. В любом случае моя жизнь была идеально сбалансирована. Я оставалась дома с ребенком, но при этом имела работу, способную включить мой уставший мозг и позволить мне ощутить себя чем-то бóльшим, чем машина для вскармливания грудью. Все говорили, что мне повезло.

В последнее время Эдвард пытался убедить меня снова взяться за работу. «Займись чем-то, что заставит твои извилины вновь зашевелиться», — говорил он, имея

в виду: «Вдруг это вернет нас к прежней жизни, поможет забыть о случившемся». Но я не могу вернуться к работе, которая когда-то уравновешивала мою идеальную жизнь, потому что не осталось того, что создавало этот баланс. Одно только воспоминание о том, как я сидела за компьютерным столом, пока Майло агукал в своей корзинке, заставляет мое горло сжиматься, а тело ноет от острого чувства вины. Я тратила драгоценные минуты на работу, которую даже не любила... Минуты, которые я могла бы провести со своим ребенком.

В любом случае, не обращая внимания на остатки завтрака, я хлопаю дверь. Я не поднимаю головы, когда торопливо шагаю по переулку к железнодорожной станции, прохожу через барьер и ступаю на платформу. Иногда я стою здесь целую вечность, глядя, как мимо со свистом проносятся скорые поезда, дизельный воздух хлещет меня по лицу, когда окна пролетают мимо, как мигающие глаза. Затем ноги несут меня вперед, в ожидающий пассажиров поезд, я сажусь на свободное место, откуда наблюдаю, как дома, реки и деревья проплывают мимо. Когда поезд прибывает в Лондон, я следую за остальными пассажирами, выводящими меня со станции в переполненный зал. Это мое любимое место, где люди толкаются и крутятся вокруг меня. Где никто не знает, кто я. Я всего лишь слегка растерянная (*очень* растерянная, если вы спросите мнение Эдварда) женщина за тридцать, торопящаяся куда-то, как и тысячи других.

Выйдя на улицу, я поворачиваю, и ноги неизбежно приводят меня в паб. Нельзя сказать, что мне отчаянно хочется выпить, но где еще вы можете часами сидеть

в спокойном одиночестве? Внутри они почти одинаковы: затхлый запах прокисшего пива и пыли, мягкие скамейки, деревянные стулья, свет, пробивающийся сквозь грязные стекла. Я сажусь в угол, жду до полудня (потому что нельзя начинать пить до полудня, так и правда можно стать алкоголиком), а затем заказываю первый стакан. Меня никто не волнует. Никто не знает, где я живу. И никто не знает, что со мной случилось.

«Прямо как в Париже», — думаю я, оборачиваясь, а затем вдруг осознаю: у меня ведь совершенно нет денег. Во рту становится сухо, и я ощущаю легкую слабость, но нужно попытаться найти выход из этого затруднительного положения. Ноги сами несут меня по улице. Туман тает, а небо становится будто бы выше и ярче — свет отражается от белоснежных зданий и слепит глаза. Люди вокруг быстро говорят по-французски, движение, суматоха — все это накрывает меня волной ошеломляющего и успокаивающего белого шума.

Я хочу остаться здесь навсегда.

ГЛАВА 4

Зои, июнь 2008 года

— Прошу прощения, но здесь явно нужен размер побольше.

Мужской голос заглушил стук моих спиц, и я, сощурившись из-за яркого солнца, попыталась посмотреть вверх. Мешковатые джинсы с дыркой на одном колене, скучная клетчатая рубашка, темные волосы и безумно длинные ресницы — я бы за такие многое отдала. По крайней мере он не выглядел сумасшедшим, бездомным или пьяным, которые чаще всего заговаривают с незнакомцами в Лондоне. К тому же он показался мне симпатичным. Я опустила спицы.

— Размер побольше? Почему?

Он сел на скамейку рядом со мной, и было сложно не заметить, что он еще и хорошо пахнет — смесью ванили и пряностей.

— Ну, у меня довольно большие ступни.

Он вытянул ногу, и я не смогла сдержать улыбку. Его щеки порозовели, будто он смутился, но он улыбнулся, глядя мне в глаза.

— Хочешь сказать, что действительно их наденешь?

Я приподняла свое незаконченное вязание. Ярко-розовая пряжа с вкраплением зеленых нитей — скорее всего, не то, что он хотел бы видеть на своих ногах.

БЛАГОДАРНОСТИ

Как всегда, сердечно благодарю Индию Драммонд, Мела Шеррата и Глинис Сми за их постоянную поддержку и советы на протяжении многих лет. О такой команде поддержки я не могла даже мечтать! Спасибо всем в издательстве «Амазон Пабблишинг», особенно Эмили Марнеур за ее энтузиазм, за эту книгу. Также благодарю своего редактора Софи Уилсон за ее ценные советы и корректуру. И конечно же, большое спасибо моему замечательному агенту Мадлен Милберн.

Наконец, я благодарю мужа и сына за то, что позволяли мне в задумчивости бродить по дому, выстраивая сюжетные линии, пока ужин сгорал на плите. Я люблю вас обоих.

ОБ АВТОРЕ

Лия Мерсер родилась в городе Галифакс, в Новой Шотландии, на восточном побережье Канады. К тринадцати годам она закончила свой первый роман и получила очень обнадеживающие отказы от издателей. Лия отложила творчество в сторону, чтобы сосредоточиться на легкой атлетике, побить местные рекорды и стать чемпионкой Канады в эстафете 4 × 400 метров. Получив степень бакалавра, она снова обратилась к писательству и стала магистром журналистики. Через несколько лет она покинула Канаду и поселилась в Лондоне, где теперь живет с мужем и маленьким сыном. Лия также издается под псевдонимом Талли Роланд, и ее книги попали в шорт-лист Британского фестиваля романов.

Літературно-художнє видання

МЕРСЕР Лія
Ким ми були раніше
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *М. Г. Шакура*
Відповідальний за випуск *Н. О. Мищенко*
Редактор *А. О. Колобакіна*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 15.09.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 3000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р.
www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

Литературно-художественное издание

МЕРСЕР Лия
Кем мы были раньше
Роман

Руководитель проекта *М. Г. Шакура*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Редактор *А. А. Колобакина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 15.09.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 3000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а. E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г.
www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Зої та Едвард були неймовірно щасливими. А відтоді як у них з'явився син, сім'я стала для них цілим Всесвітом, усім сенсом життя. Але після нещасного випадку все змінилось: як два полюси, вони більше не можуть перебувати поряд... Відтоді як Зої та Едвард втратили свого маленького синочка, пройшло вже два роки, але між ними начебто стоїть бетонна стіна. Несподівано доля подарує шанс відновити стосунки. Вони проведуть вихідні в Парижі, і ця поїздка стане для них вирішальною...

Мерсер Л.

М52 Кем мы были раньше : роман / Лия Мерсер ; пер. с англ. А. Май-стренко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 320 с.

ISBN 978-617-12-4105-3

ISBN 978-1-5039-3815-1 (англ.)

Зои и Эдвард были невероятно счастливы. А с тех пор, когда у них появился сын, семья стала для них всей Вселенной, всем миром, всем смыслом жизни. Но после несчастного случая все изменилось: как два полюса, они больше не могут находиться рядом... С тех пор как Зои и Эдвард потеряли своего маленького сынишку, прошло уже два года, но между ними как будто стоит бетонная стена. Неожиданно судьба подарит шанс возобновить отношения. Они проведут выходные в Париже, и эта поездка станет для них решающей...

УДК 821.111(73)